

Формирование устойчивой технополитической среды как фактор развития рекурсивной публичной политики в России*

Каплуненко А. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
alekseykaplunenکو8395@gmail.com

РЕФЕРАТ

Цели. Концептуализация воздействия технополитической среды на рекурсивные процессы публичной политики; определение ключевых проблем в деятельности российских органов государственной власти, препятствующих повышению устойчивости процессов цифровой политики, направленных на развитие рекурсивного потенциала системы разработки и принятия публичных решений.

Методы. Для работы с материалами исследования применен институциональный подход, так как он является традиционным для проведения междисциплинарных исследований, касающихся использования современных информационно-коммуникационных технологий в политико-управленческих процессах, а также позволяет учитывать роль публичных институтов при концептуализации устойчивости технополитической среды и рекурсивности как системного свойства публичной политики.

Результаты. Анализ современных подходов к пониманию природы публичной политики показал, что в настоящее время эффективность процессов формирования политической повестки, разработки и принятия решений все больше зависит от места экспертного знания и форм участия акторов в них. Обоснование рекурсивности как системного свойства публичной политики подчеркнуло роль экспертного знания в организации обратной связи между элементами системы как залога ее качественного изменения в качестве «эпистемического объекта». Развитие рекурсивных процессов определяется устойчивостью технополитической среды, которая проявляется в качестве, направленности и динамике институциональных изменений, степени включенности акторов в политические процессы. В Российской Федерации разрабатывается необходимая для рекурсивных процессов технополитическая инфраструктура, но сталкивается с барьерами политико-управленческой ригидности и несовершенства правового регулирования. Важными направлениями деятельности государства в сфере их преодоления являются развитие цифровой грамотности всех участников публичной политики, координация, обновление законодательства и развитие новых институтов межсекторного сотрудничества в сфере цифровизации.

Выводы. Рекурсивность в публичной политике выступает принципом, стимулирующим акторов к систематическому мониторингу политико-управленческих процессов, что определяет эволюционную динамику последних. Цифровая политика задает условия для встраивания рекурсивных процессов в контекст формирования политической повестки, разработки и принятия решений. Полученные в ходе исследования результаты поднимают актуальные для современной политической науки вопросы в контексте технополитического развития государства и могут быть дополнены как теоретическими, так и прикладными разработками.

Ключевые слова: публичная политика, институты, рекурсия, политический процесс, цифровая политика, цифровые технологии, устойчивость

Для цитирования: Каплуненко А. М. Формирование устойчивой технополитической среды как фактор развития рекурсивной публичной политики в России // Управленческое консультирование. 2022. № 3. С. 28–40.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости»).

The Formation of a Stable Technopolitical Environment as a Factor in the Development of Recursive Public Policy in Russia

Aleksey M. Kaplunenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; alekseykaplunenko8395@gmail.com

ABSTRACT

Aims. Conceptualization of technopolitical sphere impact on recursive processes of public policy; defining key problems that inhibit public authorities from improving digital politics stability essential for developing public policy recursive potential.

Methods. The work is based on institutional approach traditional for conducting interdisciplinary research about using informational and communicative technologies in politics and governance. Moreover, it is helpful for considering meaning of public institutes in the scope of conceptualization of technopolitical sphere stability and recursiveness as an attribute of public policy.

Results. Recent approaches to understanding the essence of public policy define the efficiency of shaping political agenda, developing and making decisions as more and more dependent on expert knowledge and ways of political participation. Based on the recursiveness as a public policy attribute there is made a point of expert knowledge for building and keeping feedback linking between system elements as a key principle of public policy change as an «epistemic thing». Recursive processes progression depends on stability of technopolitical sphere that rests upon quality, direction and dynamics of institutional change, political inclusiveness. As for Russia, building technopolitical infrastructure necessary for recursive processes is in progress now and meet a wide range of political and governmental rigidity, legal framework insufficiency. In order to overcome it, public authorities shall pay attention to total improving the digital literacy, coordination, legal framework update and developing new institutes of digital intersectoral collaboration.

Conclusion. In public policy and its actors recursiveness serves as a principle of systematic monitoring politics and governance which defines evolutionary dynamics of these processes. Digital politics creates conditions for building recursive processes into the context of shaping political agenda, developing and making decisions. The research results highlight issues significant for contemporary political science in the context of technopolitical national development and can be enhanced with both theoretical and applied research.

Key words: public policy, institutes, recursion, political process, digital politics, digital technologies, stability

For citing: Kaplunenko A. M. The Formation of a Stable Technopolitical Environment as a Factor in the Development of Recursive Public Policy in Russia // Administrative consulting. 2022. N 3. P. 28–40.

Введение

В настоящее время цифровизация является глобальным трендом оптимизации управленческих процессов. Как этап автоматизации, она представляет особую ценность для современных экономических процессов. Внедрение цифровых технологий затронуло также и сферу государственного управления. При их посредничестве в странах развитой демократии стали меняться парадигмы публичного управления: строго иерархические модели сменились менеджеральными, а те, в свою очередь, сетевыми. В более авторитарных странах изменения оказались менее заметными. Тем не менее мировое распространение интернет-технологий, с одной стороны, усилило массовость, разреженность общества, а с другой — стимулировало появление новых форм консолидации идей и интересов отдельных людей. Наступила информационная эпоха (по М. Кастельсу), в которой главными ресурсами общественного развития являются информация и потоки коммуникаций.

Новая культура приносит новые вызовы, и это коснулось, в первую очередь, государственного управления, которое, в отличие от предпринимательства, испытывает гораздо больше сложностей в плане адаптации к разного рода социальным изменениям. В данном случае стоит обратить внимание на трансформацию процессов и технологий публичной политики — разработки, принятия, внедрения и оценки общественно значимых решений в Российской Федерации. Данное государство в течение 20 лет проводит политику информатизации государственного сектора, однако даже в современном состоянии перехода от электронного правительства к цифровому продолжает испытывать сложности по установлению диалога между органами власти и гражданами. По мнению автора, проблема управляемости заключается в несоответствии современной технopolитической среды РФ требованиям формирования новой публичной политики, центральную роль в которой занимали бы механизмы обратной связи.

Гипотеза исследования гласит, что рекурсивность как свойство информационно сложных систем характерно и для публичной политики, однако его раскрытию может способствовать только создание и поддержание устойчивых взаимодействий политико-управленческих и информационно-коммуникационных технологий. Соответственно целями исследования являются разработка концептуальных оснований влияния технopolитической среды публичной политики на ее рекурсивность, а также определения проблемных зон деятельности органов власти по повышению устойчивости процессов взаимодействия политических и цифровых информационно-коммуникационных технологий, направленных на развитие рекурсивного потенциала системы разработки и принятия социально значимых решений в России.

Непосредственно по теме исследования к настоящему времени опубликовано относительно мало научных работ. В связи с этим теоретическая важность исследования заключается в необходимости производства нового знания по сформулированной выше проблеме на основе систематизации данных из различных источников научной литературы. В свою очередь, практическая значимость обусловлена возможностью применения его результатов в деятельности органов государственной власти РФ при проектировании политической повестки и разработке необходимых решений.

Материалы и методы

В основу исследования заложены научные труды на тему публичной политики как комплекса практик по разработке, принятию, внедрению, оценки общественно значимых решений, обеспечивающих управляемость политической системы. Среди этих трудов особое место занимают работы таких зарубежных авторов, как Х. Коулбач, Х. Хекло, П. Сабатье, писавших о социально-когнитивных и организационных аспектах природы публичной политики. Среди российских исследований выделяются работы Н.А. Шматко и Л.В. Сморгунова, в которых авторы стремились систематизировать научные результаты названных и других зарубежных авторов и оценить их релевантность российским реалиям.

В условиях сетевизации и цифровизации социально-политических отношений возрастает роль рекурсивности как параметра возрастающей сложности информационно-коммуникационной системы публичной политики. Относительно близкими данной теме оказались постсоциальные исследования Н. Лумана, Е.Н. Ивахненко, а также современная работа С.С. Православского о рекурсивных механизмах в социальных системах.

Весомым дополнением имеющихся материалов послужили статьи, доклады и монографии на тему опыта цифровизации государственного управления в России и за рубежом. Так, Ч. Коулман обращает внимание на тенденцию сопряжения

политических и цифровых технологий, которая задает новые требования организации управления и способствует появлению особых социально-политических последствий. Л. В. Сморгунов подчеркивает роль социотехнических ассамблей (функциональных объединений социальных практик и технико-алгоритмических возможностей устройств, приложений и онлайн-сервисов) в формировании сетевых отношений гражданского общества и государства, а также необходимость учета этого опыта в России. Н. Г. Выжимова, Е. Ю. Иванова, Е. А. Колесниченко, Е. И. Добролюбова и др. отмечают важность выстраивания отечественной цифровой политики на основе системы четких показателей ее результативности, в частности, эффективности вовлечения граждан в управление государством.

Для работы с данными использован институциональный подход, который, по замечанию А. В. Чугунова, «традиционно применяется для анализа явлений и процессов, которые относятся к междисциплинарным темам на стыке информатики, политологии и методов государственного управления» [16, с. 66], а также позволяет определить возможности и ограничения, предоставляемые разнообразными концептуальными рамками. Результаты анализа всех вышеуказанных научных работ послужили фундаментом концептуализации устойчивости технополитической среды и рекурсивности как системного свойства публичной политики.

Результаты

Современные подходы к пониманию сущности публичной политики. В настоящее время публичная политика представляет собой сложный социальный феномен, являющийся объектом мультидисциплинарного изучения. Публичная политика тесно связана с политическим устройством государства и его режимом. Г. Алмонд и Б. Пауэлл отмечали, что публичная политика является неотъемлемой частью деятельности правительств, поэтому обычно предстает в форме политики выделения, распределения и перераспределения ресурсов, а также управления поведением населения через соответствующие экономические и символические практики [19, р. 120]. В современной политической науке она понимается, прежде всего, как ключевая фаза политического процесса [14, с. 17], которая может проявляться как особая сфера деятельности (здравоохранение, образование и т. д.); совокупность практик выражения политических интересов и намерений, предположений, разработки, принятия и исполнения правительственных решений; система их нормативно-правового обеспечения (законы и программы); совокупность промежуточных и конечных результатов [20, р. 23].

В условиях информационного перенасыщения общества и распространения более совершенных технологий работы с данными возрастает роль экспертного знания, гражданского участия и в целом организации диалога между государством и обществом. Так, Х. Коулбач пишет, что в процессуальном плане публичная политика ближе всего к переговорному процессу, в рамках которого происходит коллективная разработка политического курса [22, р. 22]. Обращаясь к исследованиям П. Сабатье и Х. Дженкис-Смита, следует подчеркнуть также влияние фактора неизвестности, что заставляет людей сомневаться и коллективно участвовать в решении сложных общественно значимых проблем в виде коалиций общественных интересов [28, р. 19]. Благодаря включенности этих групп акторов, а также «лидеров защиты общественных интересов», к которым относятся активисты различных движений, представители экспертного сообщества, в дискурс и практическое поле публичной политики, происходит продвижение отдельных реформ и инноваций. Среди российских исследователей на это впервые указала Н. А. Шматко, обозначив публичную политику как «симбиоз политического действия, научной рефлексии и акта масс-медийной коммуникации. В основном она осуществляется в порядке интервенции в сферу

политики экспертов, аналитиков, специалистов в области социальных наук, «интеллектуалов», публицистов и журналистов». Автор также отмечает, что публичная политика реализуется не только как совокупность практических акций, превентивных мер, контроля, регуляции, публичных обсуждений, но и как ансамбль категорий социального восприятия, легитимных номинаций, социальных классификаций и иерархий, определений нормы и девиации, оценочных суждений [17, с. 110]. Данный подход в наибольшей степени соответствует проблеме настоящего исследования, однако важно иметь в виду, что в контексте цифровизации политическое действие как участие не ограничивается только известными форматами (конвенциональным, потребительским, протестным и волонтеристским), но также предстает в виде цифрового участия [29].

Теоретическое обоснование рекурсивности как системного свойства публичной политики. На фоне информационного усложнения социальных систем и процессов возрастает актуальность постулатов кибернетики второго порядка, суть которой заключается в отрицании возможности объективного наблюдения какой-либо системы — наблюдатель сам является частью этой системы, в связи с чем результат наблюдения (например, построение модели) оказывается зависим от возможностей восприятия наблюдателя как такой же кибернетической системы. В отличие от кибернетики первого порядка новое направление старается ликвидировать проблему «черного ящика» через постановку проблемы раскрытия отношений между элементами системы как наблюдаемыми наблюдателями. Для исследователей социальных феноменов в данном случае особое значение приобретает свойство рекурсивности системы. Рекурсия является не просто циклом обратной связи или итерацией — это «процесс, в котором результат каждого следующего шага определяется обработкой данных предыдущего шага в соответствии с определенным механизмом преобразования входящих данных» [13, с. 87]. Обладание рекурсивными процессами лежит в основании способности информационно сложной системы к самовоспроизводству (или аутопойезису) через интеграцию контингентности, непрогнозируемых эффектов, порождаемых взаимодействиями ее элементов. К таким системам относится прежде всего человеческое общество, конструируемое коммуникацией, которая, как пишет Н. Луман, в свою очередь, строится на логике различений, а не на предзаданных рациональных установках. Коммуникативный процесс каждый раз самопорождается за счет примыкания одной операции к другой, которое нигде в результатах коммуникации не обнаруживается [10, с. 143].

Обратившись к работам вышеуказанных авторов в контексте «обучаемых политик» [24, р. 305] и с учетом изучения уроков как характеристики процесса выработки политики [27, р. 205] и результатов анализа процессов аутопойезиса «эпистемических вещей» в социальных системах [7, с. 88], удалось сформировать концептуальные основания публичной политики не просто как ограниченной институциональными рамками последовательности циклов формирования и реализации политической повестки, но как объекта социально-политической реальности, способного развиваться по мере роста внутренней информационной сложности и разрастания внутрисистемных рекурсивных процессов, направленных на интеграцию контингентных эффектов взаимодействий подсистем за счет включения в практики разработки, принятия, внедрения и оценки общественно значимых политических решений представителей экспертных сообществ. Таким образом, публичную политику можно рассматривать как «эпистемический объект» — систему, динамическое равновесие которой зависит от механизмов производства и распределения публичного знания, благодаря которым акторы способствуют ее трансформации и расширению [8, с. 11].

Концептуальные рамки технополитической среды и характеристики ее устойчивости. Данное понятие можно определять как в широком, так и в узком смыслах. В первом случае оно соответствует тому, что С. Коулман называет соединением

политических и цифровых технологий [23, р. 2]. Образующая в результате данного синтеза цифровая политика представляет собой особое пространство (прежде всего, виртуальное) проблем и решений, которое открывает новые возможности диалога и сотрудничества государства и общества. При этом оно по-прежнему зависит от этических, социально-экономических и политико-организационных институтов, выступающих ее регуляторами. Во втором случае следует говорить о технopolитической среде в смысле рекурсивного самоподобия, т. е. как открытой системе-элементе, контролируемой социально-этическими, политико-правовыми и техническими (алгоритмические ограничения информационных систем) институтами разных управленческих уровней (например, муниципальный и региональный, частный и публичный) и результат деятельности которой выступает основанием для развития более масштабной системы. Такое понимание основывается, с одной стороны, на институциональной модели электронного управления А. В. Чугунова, в которой традиционные институты государственной власти и гражданского общества образуют множество соподчиненных и смежных систем отношений при посредничестве электронных институциональных образований вроде инфраструктуры электронного правительства, цифровой экономики и социальных сетей [16, с. 68]. С другой стороны, рекурсивный характер отношений в технopolитической среде основан на институциональной структуре взаимодействий в публичных социотехнических системах (ПСТС), предложенной К. С. Кондратенко в качестве ««минимальной» модели дискуссии в ПСТС, в которой граждане задают повестку дня, органы государственной власти выступают в качестве модератора дискуссии, а контроль за соблюдением правил дискуссии выполняют технологии и технические акторы» [9, с. 14]. К рекурсивным процессам в государственном управлении можно отнести также интероперабельность, т. е. цифровой обмен информацией между правительственными агентствами и государственными служащими [11, с. 21].

Устойчивость политической системы представляет собой «одно из ее свойств, характеризующееся потенциальной способностью оставаться в рамках существующих параметров и критериев, а также возвращаться в исходное положение при воздействии внешних и внутренних факторов, при этом сохраняя поступательное движение в заданной совокупности политических координат» [4, с. 22]. Исходя из этого определения и вышеуказанных взглядов на рекурсивный характер публичной политики, можно сказать, что устойчивость ее технopolитической среды зависит от следующих ключевых показателей: качества, направленности и динамики институциональных изменений, степени включенности акторов в политический процесс. Первые три параметра тесно связаны с результативностью политического дизайна как совокупности усилий, направленных на более или менее систематическое развитие эффективных политик на основе экспертного и опытного знания, примененного к разработке и принятию курсов действий, в той или иной степени способствующих достижению поставленных целей в специфических политических контекстах [25, р. 284]. Инклюзивность гражданских, предпринимательских и государственных элементов обеспечивает ресурсную базу политического дизайна и, в свою очередь, зависит от коммуникационной инфраструктуры их взаимоотношений и уровня институционального доверия.

Особенности технopolитической среды как условия совершенствования публичной политики в Российской Федерации. С точки зрения цифровой политики, в настоящее время государство имеет ряд проблем в ее реализации. Так, Е. И. Добролюбова, ссылаясь на результаты проведенного Центром технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС анализа федерального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», пишет, что сегодня в стране показателями внедрения цифровых технологий «измеряются не конечные результаты цифровой трансформации (например, повышение качества государственных и муниципальных услуг или качества

принятия управленческих решений), а просто сам факт перевода взаимодействия с государством (и государственных органов между собой) в электронный вид, что само по себе не гарантирует ни экономии времени, ни снижения издержек» [6, с. 58]. Таким образом, в действиях государственных властей на данный момент прослеживается преимущественно инструменталистский подход к политике внедрения цифровых технологий в публичное управление, т. е. технологический баланс смещен в сторону цифровой трансформации как продолжения политики другими средствами и цифровизации ради цифровизации. Исследование Н. Г. Выжимовой, Е. Ю. Ивановой и Е. А. Колесниченко показало, что «низкая результативность системы, несогласованность реальных действий разных уровней власти, излишний бюрократизм и перегруженность управляющей системы» породили «переизбыток административной активности одновременно с нарушением функции контроля, блокирование на долгое время общественных инициатив и общественного контроля, что привело...к нарушению равновесия между институтами государственного и общественного управления» [3, с. 465]. Обращаясь к докладу Высшей школы экономики о потенциале сокращения численности и оптимизации федеральной исполнительной власти, также можно отметить такие факторы, как централизация государственного управления, многолетняя внутренняя правительственная конкуренция, избыток исполнителей и нехватка штатных аналитиков и экспертов по вопросам цифровой политики, проблемы адаптации «доцифровой» административной культуры к новым технологическим условиям¹. Исходя из этого, в контексте синтеза политико-управленческих и цифровых технологий в России наблюдаются очевидные сложности с контролем первых, что, в свою очередь, препятствует эффективному освоению вторых. Кроме того, как отмечает В. А. Гуторов в отношении России, ссылаясь на результаты исследования К. Недермана и Л. Фицджеральда, современные технологии, являясь элементами существующего социального порядка, используются, в первую очередь, для его поддержки и едва ли могут послужить основаниями для каких-либо радикальных социальных экспериментов». Отсюда он делает вывод, что «посредническая миссия компьютерной техники ведет в противоположном направлении, усиливая манипулятивные возможности... способствуя созданию нового вида иерархии, «патриархии», а отнюдь не прямой демократии» [5, с. 418].

В настоящее время Россия, как и остальные страны, находится в состоянии перехода от электронного управления, характеризующегося акцентом на оказании госуслуг удаленно посредством ИКТ, к цифровому, в котором ключевое место отводится созданию ориентированной на пользователей информационной экосистемы с широкими возможностями обратной связи. Вопросы формирования технopolитической среды могут решаться не всегда своевременно и в полной мере ввиду институциональных и технологических ограничений, поэтому важно прилагать усилия для достижения устойчивого взаимодействия, выравнивания друг с другом текущих процессов разработки, принятия, внедрения и оценки публичных политических решений и использования цифровых технологий как катализаторов этих процессов.

Определены «Зоны роста» органов государственной власти по повышению устойчивости процессов взаимодействия политических и цифровых информационно-коммуникационных технологий, направленных на развитие рекурсивного потенциала публичной политики в России:

- 1) стимулировать повышение уровня цифровой грамотности представителей гражданского общества, государственной и муниципальной властей, принимающих

¹ Слишком много узнали. ВШЭ предлагает продолжить оптимизацию штатов правительства // Издательский дом «Коммерсантъ». 2020. 21 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4624995?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 14.09.2021).

общественно значимые политические решения. Развитие навыков работы с информацией в интернет-среде, пользования государственными сервисами и краудсорсинговыми платформами позволит сформировать социотехнические ассамбляжи — функциональные объединения пользовательских знаний и интересов и цифровых алгоритмических возможностей — для координации взаимодействий акторов, что обеспечит их рекурсивную включенность в процессы публичной политики;

- 2) обеспечить согласованность и систематическое обновление российского законодательства, муниципального, регионального и федерального уровней об использовании цифровых технологий в процессах организации публичного управления и обеспечения участия в нем представителей различных групп интересов. Это позволит сформировать единую систему технических стандартов и правовых институтов цифрового взаимодействия органов власти с населением и коммерческими структурами;
- 3) способствовать распространению и институционализации новых форм сотрудничества органов власти и гражданского общества — привлечения краудсорсинговых ресурсов для развития бюджетной, инвестиционной и инновационной политики в регионах и городах федерального значения. Это даст возможность выстроить комплекс сетей обратной связи, который позволит в проактивном режиме формировать политическую повестку и интегрировать возникающие социально-политические эффекты взаимодействий акторов в систему разработки и принятия общественно значимых управленческих решений.

Обсуждение

Результаты исследования позволили увидеть значимость технополитических процессов для развития рекурсивного потенциала публичной политики. Анализ современной литературы показал, что публичная политика как механизм и как пространство постановки и решения общественно значимых проблем стремится к усложнению, чему способствует усовершенствование технологий производства публичного знания и управления им для принятия социально значимых решений. Эти наблюдения подтверждают современные представления о том, что практики и формы коммуникации могут определять структурные особенности политической составляющей общественной жизни [2, с. 80]. Для цели настоящего исследования такое понимание сути публичной политики является фундаментальным, так как новые технологии и формирующиеся институты расширяют структуру политических возможностей и требуют все более продвинутых решений по обеспечению их устойчивых взаимодействий.

Рекурсивность в публичной политике является характерным признаком информационного усложнения системы разработки и принятия решений. Обзор литературы по рекурсивности показал, что исследование соответствующих процессов в публичной политике тесно связано с информационной эволюцией общества и практик коммуникации в целом. Некоторые авторы отмечают возможность дополнения дискурсивной модели управления символическим капиталом моделью рекурсивной, позволяющей первой проявлять себя не только на габитусном, но и на институциональном уровне. По их мнению, ключевым инструментом реализации рекурсивной модели является безличная рефлексивная фактофиксация, выраженная, например, в прозрачной системе электронного документооборота [15, с. 102]. В контексте сближения политико-управленческих и информационных технологий интерес к рекурсивности вызван современной ориентацией на построение «общества знаний» при помощи автоматизации рутинных процессов обработки, передачи и хранения данных, или алгоритмизации. Последняя, в свою очередь, стала результатом влияния формальной логики и теории

вычислимости на интуитивный концепт «механизации процессов» как характерного элемента европейской культуры [30, р. 6]. Из этого можно заключить, что представления о рекурсивности имеют гораздо более глубокие корни и связаны с фундаментальными представлениями об организации управления.

Исследование концептуальных оснований взаимодействий политических и информационно-коммуникационных технологий принципиально важно для понимания специфики формирования современной устойчивой технополитической среды как фактора публичной политики. При этом устойчивость должна обеспечиваться не только на уровне развития формальных институтов (в частности, права) но и, прежде всего, в области организации и координации сетевых взаимодействий индивидов, организаций и социотехнических ассамблежей. Здесь следует привести две точки зрения, которые могут быть полезны для дальнейшего исследования механизмов обеспечения устойчивости технополитической среды. В первом случае, основываясь на положениях акторно-сетевой теории Б. Латура и экономики соглашений, исследователи делают акцент на рефлексивности как характеристике опосредованного интернет-технологиями управления. Рефлексивность следует рассматривать как свойство акторов не только анализировать свое положение в социально-политической среде, но и критически осмысливать соответствие или несоответствие существующих практик своим ожиданиям и критериям оценки эффективности. Координация, будучи паттерном взаимодействия акторов и социальных структур (взаимного наблюдения) по умолчанию, в критические моменты, т.е. когда существующие правила и нормы отношений оказываются нерелевантными изменившемуся социальному порядку, обретает рефлексивный характер и переходит в управление как таковое, на основе которого возможны урегулирование возникших противоречий и пересмотр неэффективных институтов [26, р. 1415]. Во втором случае, основываясь на переосмыслении элементов акторно-сетевой теории Б. Латура и теории риска У. Бека, а также опираясь на взгляды Ж. Делеза, Б. Эванса и Дж. Рид, автор пишет, что сущность нового публичного управления определяется постоянным мониторингом вышеназванных эффектов, порождаемых взаимодействиями институтов, органов власти, социальных групп, отдельных индивидов и т.д. друг с другом, при этом мониторинг не ограничивается одним лишь наблюдением. Его принцип функционирования выражается в сенситивном и респонсивном характере поведения акторов, позволяющем им выстраивать не иерархическую и централизованную структуру, но гибкую, разветвленную и при этом устойчивую сеть механизмов реагирования на эффекты от социально-политических взаимодействий [21, р. 37].

Конструирование технополитической среды в России, как показал обзор теоретической литературы и прикладных исследований, сопряжен с широким спектром институциональных проблем. Отечественную политику цифровизации некоторые авторы сегодня относят к континентальной модели, согласно которой государство определяет правила взаимодействия всех участников информационного рынка [1, с. 10], при этом уделяя недостаточно внимания фактору ригидной административной культуры, сложившейся в результате радикальных государственных изменений и являющейся главным барьером на пути к качественной трансформации государственного управления и публичной политики, в частности. В то же время в России частично созданы и продолжают создаваться возможности для межсекторного партнерства (государство, бизнес и общество). Можно отметить несколько категорий интернет-площадок для консолидации массовых гражданских инициатив и привлечения внимания органов власти к решению социально значимых проблем: «работа с обращениями граждан, краудсорсинговые и краудфандинговые платформы, волонтерские сервисы, группы по обмену мнениями граждан» [12, с. 89]. Таким образом, формирование технополитической среды при регулирующей роли государства как источника цифрового предложения получает основной запрос снизу,

со стороны граждан и их объединений. Приведенные ранее направления деятельности органов власти по повышению устойчивости технополитической среды в России призваны обратить внимание государства на данный запрос, что в дальнейшем должно способствовать развитию рекурсивного подхода к публичной политике в рамках концепции общественно-государственного управления [18, с. 215].

Заключение

Проблематика рекурсивности в публичной политике является перспективным направлением институциональных исследований, так как в дальнейшем это может внести вклад в совершенствование всего механизма разработки, принятия и оценки социально значимых решений. В рамках данной статьи сделан акцент на проблеме формирования устойчивой технополитической среды как фактора развития рекурсивной публичной политики в российских институциональных реалиях. В ходе теоретического исследования удалось: подчеркнуть роль публичного знания, форм и степени включенности акторов в процедуры формирования повестки и принятия решений как ключевых элементов облика современной публичной политики; определить актуальность рекурсивности как свойства сложных информационных систем для механизма современной публичной политики; выявить черты устойчивости технополитической среды как условия рекурсивности публичной политики; обозначить широкий ряд институциональных политико-управленческих и правовых барьеров, препятствующих стабильному развитию технополитической среды как компонента российской публичной политики; разработать рекомендации для представителей государства как ключевого регулятора и координатора цифровизации в России, направленные на развитие рекурсивного потенциала публичной политики. В условиях тренда цифровизации как стратегии оптимизации управленческих процессов рекурсивность является не просто свойством информационно сложных систем, но принципом, стимулирующим акторов вести систематический мониторинг системных процессов, что определяет эволюционную динамику последних. Практики взаимодействия политических и информационно-коммуникационных технологий задают условия для встраивания рекурсивных процессов в контекст формирования политической повестки, разработки, принятия и оценки общественно значимых решений. Полученные результаты задают конкретные направления исследования в рамках обозначенной выше проблематики и могут быть дополнены как теоретическими, так и прикладными разработками.

Литература

1. Авцинова Г. И. Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития // *PolitBook*. 2019. № 4. С. 6–20.
2. Володенков С. В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // *Антиномии*. 2018. № 2. С. 69–86.
3. Выжимова Н. Г., Иванова Е. Ю., Колесниченко Е. А. Цифровизация управления как фактор развития современного государства // *Бюллетень науки и практики*. 2018. № 5. С. 465–473.
4. Гришин О. Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1. С. 19–24.
5. Гуторов В. А. Политика: наука, философия, образование. СПб. : СПбГУ, Факультет политологии, 2011.
6. Добролюбова Е. И. Цифровизация государства: ловушки и перспективы // *Экономическое развитие России*. 2020. № 3. С. 58–61.
7. Ивахненко Е. Н. Аутопойезис «эпистемических вещей» как новый горизонт построения социальной теории // *Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2015. № 5. С. 80–91.
8. Каплуненко А. М. К вопросу о концептуальных основаниях публичной политики как «эпистемического объекта» // *Демократия и управление: Информационный бюллетень гранта*

- РНФ № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости». 2021. № 1. С. 8–12.
9. Кондратенко К. С. Институциональная рекурсивность публичных социотехнических систем // Демократия и управление: Информационный бюллетень гранта РНФ № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости». 2021. № 1. С. 13–17.
 10. Луман Н. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005.
 11. Неверов К. А. Интероперабельность в государственном управлении как рекурсивный процесс // Демократия и управление: Информационный бюллетень гранта РНФ № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости». 2021. № 1. С. 18–22.
 12. Никовская Л. И. Гражданское сознание и гражданское общество // Разум на распутье: общественное сознание между прошлым и будущим: Сб. науч. статей. М. : Аспект Пресс, 2017.
 13. Православский С. С. Рекурсивные механизмы в социальных системах // Научный альманах. 2018. № 5–3. С. 86–91.
 14. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие / под ред. Л. В. Сморгунова. М. : Аспект Пресс, 2018.
 15. Рязанов А. В., Демидова М. В. Модели дискурсивного и рекурсивного управления символическим капиталом в социально-экономических системах // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 4. С. 96–104.
 16. Чугунов А. В. Институциональная модель электронного управления: основные акторы и механизмы их взаимодействия // Государство и граждане в электронной среде. 2018. № 2. С. 66–70.
 17. Шматко Н. А. Феномен публичной политики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 106–112.
 18. Якимец В. Н., Никовская Л. И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 208–223.
 19. Almond G., Powell B. Comparative politics today. A world view. Glenview; Boston; London : Scott, Foresman and Company, 1988.
 20. Cairney P. Understanding Public Policy. Theories and Issues. London : Palgrave Macmillan, 2012.
 21. Chandler D., Fuchs C. (eds.). Digital governance in the anthropocene: the rise of the correlational machine // Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of Big Data. London : University of Westminster Press. 2019.
 22. Colebatch Hal K. Policy. University of Minnesota Press. 1998.
 23. Coleman S., Freelon D. Introduction: conceptualizing digital politics // Coleman S, Freelon D. (eds.). Handbook of digital politics. Cheltenham-Northampton: Edward Elgar Publishing, 2015.
 24. Hecl H. Modern social politics in Britain and Sweden: from relief to income maintenance. New Haven : Yale University Press, 1974.
 25. Howlett M. Policy Design: What, Who, How and Why? // L'instrumentation et ses effets. Paris : Presses de Sciences Po. 2014.
 26. Hofmann J., Katzenbach C., Gollatz K. Between coordination and regulation: finding the governance in Internet governance // New Media and Society. 2017. N 9. P. 1406–1423.
 27. Morrison T. Actionable learning. A handbook for capacity building through case-based learning. Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2002.
 28. Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C. Policy change and learning: an advocacy coalition approach. Boulder, CO : Westview Press. 1993.
 29. Theocharis Y., van Deth J. W. The curious case of digitally networked participation conceptualizing and measuring digitally enabled political participation // Social Science Research Network's eLibrary [Electronic source]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2657082> (accessed: 15.09.2021).
 30. Totaro P., Ninno D. Algorithms and the practical world // Theory, Culture and Society. 2016. N 1. P. 1–14.

Об авторе:

Каплуненко Алексей Михайлович, стажер-исследователь факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alekseykaplunenko8395@gmail.com

References

1. Avtsinova G. I. Digitalization policy in modern Russia: features of formation and development prospects // *PolitBook*. 2019. N 4. P. 6–20 (in Rus).
2. Volodenkov S. V. The role of information and communication technologies in modern politics // *Antinomy [Antinomii]*. 2018. N 2. P. 69–86 (in Rus).
3. Vyzhimova N. G., Ivanova E. Yu., Kolesnichenko E. A. Digitalization of management as a factor in the development of the modern state // *Bulletin of Science and Practice [Byulleten' nauki i praktiki]*. 2018. N 5. P. 465–473 (in Rus).
4. Grishin O. E. Sustainability of the political system: concept, approaches, regulators // *Modern problems of science and education [Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya]*. 2015. N 1. P. 19–24 (in Rus).
5. Gutorov V. A. *Politics: science, philosophy, education*. SPb.: St. Petersburg State University, Faculty of political science, 2011 (in Rus).
6. Dobrolyubova E. I. Digitalization of the state: traps and prospects // *Economic development of Russia [Ekonomicheskoe razvitiye Rossii]*. 2020. N 3. P. 58–61 (in Rus).
7. Ivakhnenko E. N. Autopoyesis of “epistemic things” as a new horizon for building social theory // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series “Philosophy. Sociology. Art history” [Vestnik RGGU. Ser. «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie»]*. 2015. N 5. P. 80–91 (in Rus).
8. Kaplunenko A. M. On the question of the conceptual foundations of public policy as an “epistemic object” // *Democracy and management: Newsletter of the RSF grant N 19-18-00210 “Political ontology of digitalization: a study of the institutional foundations of digital formats of state manageability”*. 2021. N 1. P. 8–12 (in Rus).
9. Kondratenko K. S. Institutional Recursion of Public Sociotechnical Systems // *Democracy and Governance: RNF Grant Newsletter N 19-18-00210 “Political Ontology of Digitalization: a Study of the Institutional Foundations of Digital Formats of State Manageability”*. 2021. N 1. P. 13–17 (in Rus).
10. Luhman N. *Reality massmedia/translation from German* A. Yu. Antonovsky. M.: Praxis, 2005 (in Rus).
11. Neverov K. A. Interoperability in public administration as a recursive process // *Democracy and management: Newsletter of the RSF grant N 19-18-00210 “Political ontology of digitalization: a study of the institutional foundations of digital formats of state manageability”*. 2021. N 1. P. 18–22 (in Rus).
12. Nikovskaya L. I. Civic consciousness and civil society // *Mind at a crossroads: public consciousness between the past and the future: A collection of scientific articles*. M.: Aspect Press, 2017 (in Rus).
13. Pravoslavsky S. S. Recursive mechanisms in social systems // *Scientific almanac [Nauchnyi al'manakh]*. 2018. N 5-3. P. 86–91 (in Rus).
14. *Public policy: institutions, digitalization, development*/edited by L. V. Smorgunov. M.: Aspect Press, 2018 (in Rus).
15. Ryazanov A. V., Demidova M. V. Models of discursive and recursive management of symbolic capital in socio-economic systems // *Bulletin of the Volga Institute of Management [Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya]*. 2015. N 4. P. 96–104 (in Rus).
16. Chugunov A. V. Institutional model of e-government: the main actors and mechanisms of their interaction // *State and citizens in electronic environment [Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoi srede]*. 2018. N 2. P. 66–70 (in Rus).
17. Shmatko N. A. The phenomenon of public policy // *Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 2001. N 7. P. 106–112 (in Rus).
18. Yakimets V. N., Nikovskaya L. I. Civic participation, intersectoral partnership and Internet technologies of public policy // *Social and humanitarian knowledge [Sotsial'nye i humanitarnye znaniya]*. 2019. N 3. P. 208–223 (in Rus).
19. Almond G., Powell B. *Comparative politics today. A world view*. Glenview; Boston; London: Scott, Foresman and Company, 1988.
20. Cairney P. *Understanding Public Policy. Theories and Issues*. London : Palgrave Macmillan, 2012.
21. Chandler D. Digital governance in the anthropocene: the rise of the correlational machine // Chandler D., Fuchs C. (eds.). *Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of Big Data*. London: University of Westminster Press. 2019.

22. Colebatch Hal K. Policy. University of Minnesota Press. 1998.
23. Coleman S., Freelon D. Introduction: conceptualizing digital politics // Coleman S, Freelon D. (eds.). Handbook of digital politics. Cheltenham-Northampton: Edward Elgar Publishing, 2015.
24. Heclo H. Modern social politics in Britain and Sweden: from relief to income maintenance. New Haven : Yale University Press, 1974.
25. Howlett M. Policy Design: What, Who, How and Why? // L'instrumentation et ses effets. Paris : Presses de Sciences Po. 2014.
26. Hofmann J., Katzenbach C., Gollatz K. Between coordination and regulation: finding the governance in Internet governance // New Media and Society. 2017. N 9. P. 1406–1423.
27. Morrison T. Actionable learning. A handbook for capacity building through case-based learning. Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2002.
28. Sabatier P. A., Jenkins-Smith H. C. Policy change and learning: an advocacy coalition approach. Boulder, CO : Westview Press. 1993.
29. Theocharis Y., van Deth J. W. The curious case of digitally networked participation conceptualizing and measuring digitally enabled political participation // Social Science Research Network's eLibrary [Electronic source]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2657082> (accessed: 15.09.2021).
30. Totaro P., Ninno D. Algorithms and the practical world // Theory, Culture and Society. 2016. N 1. P. 1–14.

About the author:

Aleksey M. Kaplunenko, Research Assistant of Department of Political Science of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); alekseykaplunenko8395@gmail.com